УДК 811.161.1’38 «199/200»

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Джинджолия Г.П., к. филол. н., доцент

Луганский государственный педагогический университет имени Тараса Шевченко

Стилистическая система по своему строению диффузна и нестрога. Диффузность проявляется в многообразии и разнородности общих и частных стилистических значений, нестрогость – в необязательном характере стилистических парадигм и оппозиций. XX век характеризуется неровным, нестабильным характером развития литературного языка и его стилистической системы. В статье рассматриваются основные особенности стилистической системы конца XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: стилистическая система, стилистическое значение, узус, полистилизм, речевая стратегия, цитатное мышление, заимствования.

Джинджолія Г.П. СТИЛІСТИЧНА СИСТЕМА КІНЦЯ XX — ПОЧАТКУ XXI СТОЛІТТЯ / Луганський державний педагогічний університет імені Тараса Шевченка, Україна.

Стилістична система за своєю будовою дифузна і варіативна. Дифузність виявляється в різноманітності й різнорідності загальних та окремих стилістичних значень, варіативність – у необов’язковому характері стилістичних парадигм і опозицій. XX століття характеризується нерівним, нестабільним характером розвитку літературної мови. У статті розглядаються основні особливості системи кінця XX – початку XXI століття.

Ключові слова: стилістична система, стилістичне значення, узус, полістилізм, мовленнєва стратегія, цитатне мислення, запозичення.

Dzhindzoliya G. P. STYLISTIC SYSTEM OF THE END OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY / Luhansk Taras Shevchenko State Pedagogical University, Ukraine.

The article deals with the analysis of the main phenomena and tendencies of the language of the end of the XXth — beginning of the XXIth centuries. According to the author, stylistic system of Russian literary language of that time is mobile and unstable. Instability has both quantitative and qualitative descriptions. The first can be seen in the great number of language units involved and high speed of their changes; the second is connected with the fact that stylistic changes are not natural but are deviations from the standard.

Key words: stylistic system, stylistic meaning, usage, polystylism, speech strategy, quotation thinking, borrowings.

> *... одно и то же семантическое содержание можно выразить, по крайней мере, двумя различными способами, <...> каждый из этих способов активизирует воспоминание об определенной замкнутой и иерархически связанной группе знаков, об определенном «регистре».*
>
> *Ю.М. Лотман*

Стилистическая система по своему строению диффузна и нестрога. Диффузность проявляется в многообразии и разнородности общих и частных стилистических значений, нестрогость — в необязательном характере стилистических парадигм и оппозиций. Из существования одной стилистической парадигмы не следует, что существует другая. Доминантой стилистической системы является семантика, совокупность стилистических значений. Стилистическое значение несет информацию о коллективном или индивидуальном субъекте, о его точке зрения. Истоки формирования стилистических значений следует искать в бытовании языка. По словам Т.Г. Винокур, стилистическое значение есть единица узуса [2].

Стилистические различия неразрывно связаны с коммуникативными, референциальными и прагматическими различиями. Так, слово *жаловаться* в значении «говорить, что произошло или имеет место нечто плохое для субъекта, чтобы побудить адресата исправить положение, найти у него понимание или сочувствие, или дать выход своим чувствам» — по «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» [4] — имеет стилистическую парадигму *сетовать* (необиходн.), *роптать* (книжное), *ныть* (разг.), *хныкать*, *скулить* (разг. сниж.). Помета «необиходное» в этом словаре означает «следующий за книжным, но не доходящий до нейтрального уровня литературного языка», помета «разг. сниж.» — «следующий за собственно разговорным уровень небрежности речи, который может позволить себе образованный носитель языка без риска для своей языковой репутации» [4, 39]. Словарь дает

характеристику по следующим признакам: «характер и масштаб того, что произошло с субъектом (*плачутся* обычно на конкретные неурядицы; *сетовать* можно на все, что способно огорчать, начиная с мелочей быта и кончая устройством жизни; *ропщут* — преимущественно на чужую волю, ответственную за тяжелое положение субъекта); тип субъекта (в случае *роптать* субъект может быть коллективным, во всех остальных случаях высказывание приписывается отдельным личностям); сопутствующие чувства (в *сетовать* есть сожаление, что действительность такова, в *плакаться* — жалость к себе); цель и мотивировка высказывания (*сетуют* в расчете на понимание, не ожидая конкретного результата; *скулят* и *хнычут*, чтобы было исправлено нежелательное положение); внешние, в частности, звуковые характеристики речевого акта (*сетуют* более сдержанно, менее эмоционально, чем *жалуются*; *хнычут*, *ноют* — плачущим голосом); наличие конкретного адресата (у *жаловаться* он есть, а у *роптать* его обычно нет); характер адресата (*жалуются* и *плачутся* обычно тому, кто находится в лучшем положении, а *сетовать* можно и обращаясь к товарищам по несчастью); оценка обоснованности жалобы и личности субъекта (в случае *плакаться*, *ныть*, *хныкать* и *скулить* жалоба считается необоснованной и преувеличенной, а сам субъект представлен как нестойкий и чересчур жалеющий себя); характер ассоциации (у *хныкать* — с ребенком, у *скулить* — с собакой) [4, 98].

XX век характеризуется неровным, нестабильным характером развития литературного языка и его стилистической системы. Это связано прежде всего с внешними факторами (1917 год, социокультурные изменения после 1985 года). Общественно-политическая ситуация в период с 1917 года до середины 80-х годов характеризуется глобальной идеологизированностью, ориентацией на формирование единого мировоззрения, особым типом оценочности, при котором оценочные знаки распределяются по идеологическим объектам: наше — плюс (хорошо), не наше — минус (плохо). В 40–50-ые годы, когда «языковая смута» (М.В.Панов) первых послереволюционных лет была позади, стилистическая система стабилизировалась [3]. Зона официального общения (с присущими ему ограничениями) оказалась непомерно большой и угрожала поглотить всю область применения языка. Под угрозой оказалось все стилистическое богатство языка. По словам Ю.С. Степанова, «советский политический дискурс является формой принудительного ментального мира» [10, 11].

Конец XX – начало XXI в. — период деактуализации советских реалий, деидеологизации, демифологизации и деофициализации. Стилистическая система этого времени динамична и крайне нестабильна. Нестабильность имеет как количественные, так и качественные характеристики. Первые проявляются в большом объеме вовлеченности языковых единиц и большой скорости их изменений, вторые — в том, что стилистические изменения являются не естественными, а отклоняющимися от нормы. Происходит разрушение старой стилистической системы. Отступления от норм ведут к новым нормам, к новым стилистическим парадигмам. Так, выражение *отмывать деньги* становится нормой для литературного языка, слово *бизнесмен* употребляется без отрицательной коннотации.

Основные явления и тенденции языка нашего времени отмечены в работах М.В. Панова [5], Е.А. Земской [6], Л.Н. Синельниковой [7] и др. Резко расширяется состав участников массовой коммуникации. Интеллигенция перестает быть носителем литературного вкуса. Снимается цензура. Люди говорят и пишут свободно. Усиливается личностное начало, возрастает диалогичность общения. Критерий «правильно — неправильно» уступает место критерию «пригодно — непригодно». Сфера пригодного расширяется. Резкая граница, которая проходила между неофицальным личным общением и общением официальным публичным, размывается. В публичном общении возрастает степень неподготовленности и ослабляется официальность. В нем резко увеличивается число разговорных, просторечных, жаргонных и иных сниженных элементов. Характерной чертой нашего времени становится полистилизм. В одном высказывании совмещаются различные по своему стилистическому статусу средства — книжные и разговорные, пафосные и сниженные:

«ТАТУ» ПОД ХВОСТ
Жадность девочек погубит

Как же все нарадоваться не могли еще с месяц назад за наш дуэт «Тату»! Гордились их неожиданным прорывом на орбиты международного шоу-бизнеса не меньше, чем какой-нибудь олимпийской звездой Лазутиной. И вот — все рушится. Лазутину повязали на допинге, а «татушек», возможно, погубит жадность. Сплошные напасти на международный престиж родимого отечества. Короче, по сути.

В Нью-Йорке «Тату» были представлены русской службой MTV как лучшее национальное достижение сезона. «Достижение» оказалось оперативно обнародованным на огромных просторах от Японии и Индии до Америки и Европы.

В итоге всей этой напряженной суматохи «Тату» и потрюхали в Лондон — кропать английские версии «Я сошла с ума», «Нас не догонят». Двумя синглами они намереваются взорвать по очереди три рынка — американский, германский и японский.

Возможный итог: авторы синглов, посчитав виртуальные миллионы, огребут кукиш на подсолнечном масле; «Тату» не станут международными звездами… и вместо калифорний с баваариями отправятся «чесать» по чукоткам и поволжьям (Московский комсомолец, 2002, №45).

Здесь в близком соприкосновении находятся высокое *отечество* и разговорное *напасть*, книжные *престиж*, *орбита* и интертекстуальные трансформы просторечных фразеологизмов *«Тату» под хвост*, *кукиш на подсолнечном масле*, жаргонизмы *потрюхали* (в Лондон), *кропать* (версии), *чесать* (по чукоткам). Все это на фоне эпатажного отношения к языковой норме: вместо *нарадоваться не могли на…* употребляется ненормативное *за*.

Современные СМИ склонны к сенсационности, парадоксографии, описанию негатива, к категоричности и некооперативной речевой стратегии. Некооперативная речевая стратегия реализуется, например, в военной метафоре, которая получает очень широкое распространение. Вместе с тем прослеживается общая линия развития — сближение на фоне поляризации [9]. В последнее время, по мнению А.П. Факторовича, «сами публицисты становятся более уравновешенными и склонными к полифонии, чем в предшествующий период» [9, 11].

Активизируется стилистическое значение «деструктивность». Под деструктивностью имеется в виду нарушение нормальной структуры. Язык арго претендует на роль нормы. В этом проявляется неестественность стилистических изменений. Данный процесс захватывает язык газеты, СМИ. Жаргонизмы начинают использоваться как свои слова, в них не вкладывается никакого оценочного смысла: *Почему мы ловим кайф от советских песен? С любовью завязано* (Мегаполис 2002, №15); *наезд на фотохудожников* (Киевские ведомости 2002, 19 апреля), *от чего «прутся» наркоманы*, *одного «замочили»* (о Хаттабе) (Аргументы и факты 2002, №18-19). Стилистически сниженная лексика — определенная ментальность, картина, способ мыслить о мире более примитивном, более материальном, чем предлагается литературным языком.

Апробируются возможности языка. Сниженные средства, трансформирующие лексическую семантику и сочетаемость, входят в нейтральную сферу. Этому в значительной степени способствует установка на языковую игру, модус иронии. Модус иронии является сейчас информационной нормой.

Для современного текста — особенно публицистического — характерно цитатное мышление. Например, газетный заголовок *Им сверху видно все…* содержит отсылку к известной песне и имеет двойное прочтение, семантику иронии. Цитатное мышление пронизано текстовыми коннотациями. Это черта культуры конца XX — начала XXI в. Еще примеры: *Самолет летел без допинга. Олимпийский рейс опоздал на два часа. За это время в московском аэропорту набралось так много встречающих, что, как говорится, олимпийской медали негде было упасть* (Московский комсомолец 2002, №46); *Делай с нами, делай, как мы. Но лучше не надо* (Аргументы и факты 2002, №12); *«Санта-Барбара» сыграла в ящик* (Комсомольская правда 2002, №69); *Ток «в мешке»*, *Вечера на Крещатике близ выборов*, *Вдоль по «питерским» и поперек* (Аргументы и факты 2002, №13). Информативному подзаголовку может предшествовать экспрессивный заголовок: *Что попишешь — молодежь. Не задушишь, не убьешь* — заголовок, *Премию «Дебют» актерам вручали под напутствие Путина* — подзаголовок (Московский комсомолец 2002, №47); *«Зеленых» по весне сажают* — заголовок, *Вчерашний налет гринписовцев закончился… кутузкой* — подзаголовок (Комсомольская правда 2002, №69).

Идет перегруппировка стилистических средств. Этот процесс развертывается как по вертикали — от жаргонов к литературному языку, так и по горизонтали — от периферийных участков языковой системы к ее центру. В настоящее время можно наблюдать актуализацию одних лексических ресурсов и деактуализацию других. После 1985 года историзмами стали слова *партия, райком, горком*. Актуализируется лексика, которая существовала до 1917 года (*губернатор, купец, торговый дом, рынок* и др.).

Конец XX — начало XXI в. характеризуется широким использованием заимствований: политических (*мэр, президент, электорат*), экономических (*лизинг, бартер, брокер*), терминологии компьютерной техники (*дисплей, файл, принтер*), спортивных (*фристайл, армрестлинг*), музыкальных (*хит, сингл*). Появились многочисленные названия одежды, духов, бытовой техники. Заимствованиями насыщен газетный текст: *путешествие в русский офшор, горно-офшорный край* (Аргументы и факты 2002, №13); *у президента запланирован целый ряд саммитов* (Аргументы и факты 2002, №18-19). Растет парадигматика заимствований, расширяется их синтагматика. Они вовлекаются в прецедентные высказывания: *Старый спикер борозды не портит* (Московский комсомолец, 2002 №16). По словам Л.Н. Синельниковой, «чем чаще иностранное слово проявляет себя дискурсивно, тем больше у него возможностей закрепиться в языковой картине мира» [7, 178]. Прагматический контекст заимствований дает рефлексы в языковую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — №4.

2. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. Автореф. дис. … докт. филол. наук. — М., 1980.

3. Лексика современного русского литературного языка. — М., 1968.

4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. — М., 1997.

5. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. — М., 1988.

6. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — М., 1996.

7. Синельникова Л.Н. Языковые изменения конца XX века // Язык: история и современность. — Луганск, 1999.

8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. — М., 2002.

9. Факторович А.Л. Стилистическое оформление речевых стратегий (теоретико-лингвистические и теоретико-журналистские аспекты). Автореф. дис. … докт. филол. наук. — Краснодар, 2000.

10. Философия языка: в границах и вне границ / Ю.С.Степанов, Ю.И.Сватко, М.Серр и др. Сост и ред. тома Д.И.Руденко. — Харьков, 1999. — Т. 3-4.

11. Язык и наука конца XX века. — М., 1995.